

# СВАДЬБА ЛУДИЛЬЩИКА

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Значительность драмы,— если понимать это слово в том смысле, который французы вкладывают в понятие «серьезная драма»,— характеризуется не тем, в какой степени она затрагивает жизненно важные проблемы, а тем, насколько она способна дать нашему воображению ту пищу (которую не так-то легко определить), коей оно живет. Мы не должны ходить в театр так, как мы заходим в аптеку или в бар, но скорее так, как мы спешим на званый обед, где хлеб наш насущный воспринимается нами радостно и с наслаждением. Так было почти всегда в Испании, в Англии и во Франции, когда драматическое искусство переживало свой расцвет (младенчество и упадок драмы неизменно влекут ее к назидательности), но в наши дни театр слишком часто является складом лекарств от всякого рода застарелых недугов или еще винным погребком, торгующим абсентом и вермутом модных оперетт.

Драма, так же как и симфония, ничему не учит и ничего не доказывает. И аналитики с их глубокими проблемами, и проповедники с их символами веры так же быстро становятся старомодными, как теперь устарела фармакопея Галена (достаточно вспомнить Ибсена и немцев). Однако лучшие пьесы Бена Джонсона и Мольера будут жить и не потеряют своего вкуса, как не утратит его ежевика на живой изгороди.

Из всего того, чем питается наше воображение, юмор является чем-то особенно необходимым. Очень опасно вытраивать юмор или даже только ставить ему пределы. Бодлер считал смех самым ярким признаком сатанинского начала в человеке. И там, где целая страна теряет чувство

юмора (как это происходит сейчас в некоторых городах Ирландии), там развивается болезненный пессимизм, как это было и с духом самого Бодлера.

В большей части Ирландии, правда, весь народ, начиная с лудильщиков и кончая духовенством, живет и воспринимает жизнь весело, непосредственно и полнокровно. Я не думаю, чтобы эти деревенские жители, обладающие таким запасом юмора, обиделись на то, что над ними добродушно посмеются, как смеялись и над другими нациями авторы их национальных комедий.

*Дж. М. С.*

*2 декабря 1907.*

Примечание: «Свадьба лудильщика» была сочинена мною несколько лет тому назад, примерно в то же время, когда я работал над «Скачущими к морю» и «В сумраке долины». С тех пор я переписал ее заново.

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Майкл Бёрн, бродячий медник-лудильщик.

Мери Бёрн, его мать, старуха.

Сара Кейси, молодая жена лудильщика.

Священник.

Место действия: дорога у околицы деревни  
в Ирландии после захода солнца.

## ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дорога у околицы деревни после захода солнца. Костер из хвороста разложен около канавы, с правой стороны сцены.

Майкл работает у костра. Слева на заднем плане нечто вроде палатки и изгородь с развешанными на ней для просушки рваными тряпками. Справа ограда часовни.

Сара Кейси (*входит справа, очень возбужденная*). Мы встретим его преподобие на этом самом месте, Майкл Бёрн, когда он будет возвращаться к себе домой сегодня вечером.

Майкл (*мрачно*). Подумаешь, какая радость, какое блаженство.

Сара (*резко*). Мало тебе будет радости, если ты вовремя не справишься с моим обручальным кольцом. (*Подходит к нему.*) Что, готово оно наконец или опять с ним что неладно?

Майкл. Не ладится все, Сара Кейси, потому — чертовская это работа сделать кольцо. Из-за тебя я, может, испорчу себе все руки, так что, поди, завтра мне и простой жестяной кружки не сделать.

Сара (*усаживается рядом с ним и подбрасывает хворост в огонь*). А если это чертовская работа, то не зевай по сторонам и не болтай свои глупости, от которых и дурака стошнит.

Майкл (*медленно и уныло*). И это ты смеешь говорить о дураках, Сара Кейси, когда никому даже и в голову не придет такая дурацкая глупость, которую ты придумала. Живешь ты со мной уже давно, и уж дети были, и вдруг

загорелось тебе — замуж выходить, и ты ко мне с этим пристаешь, а я и не смей спросить, зачем это тебе надо.

Сара поворачивается к нему спиной и начинает с чем-то возиться в канаве.

(Сердито.) Что ты слова-то сказать не можешь, когда я тебя спрашиваю? Что это тебя за муха укусила, с тех пор как у нас новый месяц? \*

Сара (задумчиво). Мне кажется, никакая муха меня не укусила, Майкл Бёрн; но весеннее время — странное время, вот мне подчас и странные мысли приходят в голову.

Майкл. Из упрямства одного ты всякие штуки выдумываешь, Сара Кейси; ну что ты с того получишь, что потащишь меня к попу сегодня вечером, а завтра на рассвете тебе, гляди, уж и другие мысли придут в голову.

Сара (поддразнивает его). А на рассвете я, может, буду думать о том, как бы уйти от тебя к богатым лудильщикам и ездить с ними от Тибрэддена к Тара-Хиллу; потому — веселая была бы это жизнь, если бы меня возил Джим Двуколка и мне не приходилось бы ломать себе спину, таскаясь пешком с горы на гору.

Майкл (в смятении). Ты что же это? У тебя и вправду такое на уме?

Сара. А то как же? В особенности, Майкл Бёрн, когда солнышко проглянет и в теплом воздухе цветом боярышника повеет.

Майкл (смотрит на нее некоторое время с ужасом, затем протягивает ей готовое кольцо). На, примерь, годится ли.

Сара (примеряя кольцо). Ты уж очень узким его сделал, и края, где запаяно, режут.

Майкл. Это оттого что у тебя палец заплыл жиром, Сара Кейси. А я опять скажу, разве это не сумасшествие, что ты требуешь от меня, чтобы я женился на тебе, и грозишь от меня уйти, а сама, слава тебе господи, цветешь себе и на здоровье, кажется, не жалуешься.

Сара (возвращает ему кольцо). Ладно, подправь его, и сойдет, но будь осторожней, а то ты опять его обузишь.

Майкл (ворчливо, принимаясь опять за работу). Это легко сказать — будь осторожней; многое легко сказать,

Сара Кейси, но и не всякий дурак такое скажет... (Внезапно отпрянув от огня.) Черт тебя подери совсем, я опять обжегся.

Сара (презрительно). Ну и неуклюж ты сегодня, Майкл Бёрн. (Возвышает голос.) А теперь, пожалуйста, поторапливайся, а то еще старуха притащится с пивом.

Майкл (тоже возвышает голос, пренебрежительно). Поторапливайся! Я, может быть, потороплюсь дать тебе здорового тумака; мне кажется, это как раз то, что тебе сейчас нужно. Я помню, в тот день, когда я тебя вывел оттуда, сверху из Рэзвэнны, как ты стала реветь, и когда мы начали спускаться по холму, ты принялась выть и причитать: «Я хочу обратно к маме». Я подошел тогда к тебе сзади, размахнулся и дал тебе как следует по уху. Тут ты сразу пошла со мной как миленькая, чинно и благородно, и с тех пор по сей день меня не покидаешь.

Сара (встает и бросает в огонь весь хворост, который она держала в руках). Что ж, это, может, по моей дурости только было. Но мы увидим завтра Джима Двуколку в Бэллинаклэше, а он получил большие деньги за своего белого жеребенка на конской ярмарке в Уиклоу, так что это будет стоящее зрелище — посмотреть, как он станет расшвыривать свое золото направо и налево. А у него и на хорошую лошадь глаз острый, да и на баб губа не дура.

Майкл (продолжает работать, раздражительно). А провались он к дьяволу и с тем и с другим.

Сара (взметая ногой золу). Замечательный он парень, я тебе скажу, и я до смерти буду рада его повидать. Ведь это он первый прозвал меня красавицей из Бэллинакри, — неплохое прозвище для женщины!

Майкл (презрительно). Такие клички лошадям дают, вон там, внизу, на скачках в Арклоу. Очень легко тебя умаслить я вижу, Сара Кейси, ты рада каждому льстивому слову, что тебе какой-нибудь пустобрех сболтнет.

Сара. Пустобрех!

Майкл. Ясное дело — враль.

Сара (возмущенно). Ах так, враль? А ты никогда не слышал о тех фараонах, что бежали за мной десять миль вдоль Малюрской долины, и как в темноте, когда их никто не видел, они мне в любви признавались, или о ребятах, которые возвращаются из школы и рассуждают

между собою: «А сегодня мы видели Сару Кейси, красавицу из Бэллинакри, вот это так красавица!»

Майкл. Ну что ж, помогай им бог.

Сара. А вот я посмотрю, как тебе бог поможет, когда ты проснешься как-нибудь темной ночью и будешь думать обо мне, как я еду по дороге и солнце на меня светит, а я в это время буду править высокой тележкой, а за ней будет идти Джим. И я тебя уверяю, одиноко и холодно тебе будет в эту ночь лежать в канаве и слышать, как старуха вскрикивает во сне и как летучие мыши пищат на деревьях. (Смотрит направо.) Кто-то вышел из дома доктора и идет сюда.

Майкл. Там часто бывает его преподобие и сидит себе за выпивкой, да за картами, да за пением песен до рассвета.

Сара. Там дылда какая-то, которая широко ступает, и голос у него, как труба. Это, наверно, его преподобие. И, если только у тебя кольцо готово, мы сейчас обстригаем хорошее дельце, поскольку он, поди, сейчас хвативши.

Майкл (подходит к ней и передает кольцо). Вот твое кольцо, Сара Кейси, но я думаю, что он пройдет мимо и не остановится и не станет толковать с такими, как мы.

Сара (оправляет платье и охорашивается в большом волнении). Садись скорее к костру и раздуй большое пламя, чтобы он мог видеть мое лицо. И сделай вид, что ты работаешь, — ихнюю породу хлебом не корми, а дай поговорить о работе.

Майкл (неохотно садится и начинает работать над жестяной кастрюлей). Уж это само собой.

Сара (настойчиво). Я тебе говорю, раздуй большое пламя, Майкл Бёрн.

Справа входит священник, Сара идет ему навстречу и говорит очень естественным тоном.

Добрый вечер, ваше преподобие. Славная нынче ночка, по милости божией.

Священник. Господи спаси и помилуй! Что вы за женщина? Кто вы такая?

Сара. Я буду Сара Кэйси, ваше преподобие, красавица из Бэллинакри, а вот тут, в канаве, это будет Майкл Бёрн.



Священник. Вот тоже святое семейство, подумаешь. Уходите-ка вы с дороги. *(Пытается отстранить ее и пройти дальше.)*

Сара *(не дает ему пройти)*. Нам бы хотелось сказать вам два слова, ваше преподобие.

Священник. У меня нет ни полпенни мелочи. Пустите меня пройти, я вам говорю.

Сара. Да мы не полпенни хотим у вас попросить, святой отец, но мы думали, что, может быть, мы имеем право жениться, и надеялись, что вы нас повенчаете, не взяв за это ни полпенни. Потому что вы добрый человек, ваше преподобие, вы ведь к бедным людям очень добры.

Священник *(удивленно)*. Вы хотите, чтобы я вас венчал даром?

Сара. Вот именно, ваше преподобие. И мы еще думали, что, может, вы нам дадите немного мелочи, чтобы заплатить за кольцо.

Священник *(громко)*. Попридержи-ка ты свой язык, Сара Кейси. Слышишь, помолчи! Нет у меня никакой мелочи для таких, как вы. А если вы хотите венчаться, то заплатите за это фунт стерлингов. Я устрою вам это всего только за один фунт, это выходит даже дешевле, чем бы я взял с какой-либо здешней пары из моих прихожан.

Сара. Откуда же таким людям, как мы, взять целый фунт?

Священник. А разве вам так трудно достать его при том, что вы продаете ослов и делаете жестяную посуду, и подворовываете и тут и там, и на востоке и на западе, и в Уиклоу, и в Уейксфорде, и в графстве Мийт. *(Пытается обойти ее.)* Уйдите же наконец с дороги. Отвяжитесь, я вам говорю. . .

Сара *(просительно, вынимая деньги из кармана)*. Неужто вы не смилуетесь над нами, ваше преподобие? *(Показывает деньги.)* А вы не повенчаете нас за эти полсовереена? И взгляните, какой это новенький, блестящий золотой с портретом мамыши нашего короля \* на нем.

Священник. Если у вас уже есть десять шиллингов, достаньте еще вторые десять, и я вас тогда повенчаю.

Сара *(хнычет)*. Мы два года собирали эти полсовереена, где пенс, где полпенса, ну, прямо — по грошам. А если вы нас сейчас не повенчаете, то как он сам, так и

его старуха, которая тоже зашибает, пропьют эти деньги завтра на ярмарке. *(Утирает глаза передником, почти рыдая.)* И тогда я уже никогда не буду повенчана, а буду повторять до конца моих дней: «Ох, уж и горькая доля родиться в бедности».

Священник *(поворачивается к огню)*. Перестань, Сара Кейси. Странная ты, однако, женщина, что из-за таких вещей расстраиваешься. . . И с чего бы это, раз вы ведь все равно всю вашу жизнь шляетесь по дорогам.

Сара *(вскликивает)*. Мы два года копили это золото, ваше преподобие, а теперь вы за эту цену нас не хотите венчать, а мы люди рабочие и бедные, и вот даже темной ночью принуждены кастрюли делать и глаза себе слепить из-за этого черного дыма от сырых веток.

Издали, слева, доносится пение старческого, не совсем трезвого женского голоса.

Священник *(смотрит на кастрюлю, которую делает Майкл)*. Когда ты окончишь эту кастрюлю, Майкл Бёрн?

Майкл. А сейчас кончу, ваше преподобие, я последний раз припой на край накладываю.

Священник. Прибавь еще одну крону к десяти шиллингам, а также эту большую кастрюлю, и я вас повенчаю, Сара Кейси.

Мери *(ее пьяный голос внезапно слышится уже совсем близко)*. Лэрри был чудный малый, говорю вам, Лэрри был парень хоть куда, Сара Кейси.

Майкл. Тише вы теперь — вы оба. Мать моя идет сюда, и она всех нас разнесла бы вдребезги, если бы услышала, что тут велись такие разговоры, пока она ходила промочить себе горло.

Мери *(входит напевая)*.

Эй, парень, покайся, ведь шутка плоха,

На шею уж петля надета.

«К чертям, — рывкнул Лэрри, — ваш ад — чепуха,  
Поповская выдумка это».

Сара. Отдай мне сейчас же кружку, иначе ты все прольешь в канаву.

Мери *(держит кружку обеими руками, говорит веско)*. Отстань ты от меня, пожалуйста, Сара Кейси. Ничего я

не пролью, я тебе говорю. Бог с вами совсем — вы что же, думаете, что кружка все еще будет пениться до самых краев, когда я ее тащила от Джимми Нийла, держа обеими руками всю дорогу?

Майкл (тревожно). Да там остался ли хоть один глоток?

Сара (заглядывает в кружку). Всего лишь один маленький глоточек.

Мери (заметив священника, протянула ему кружку). Да благословит вас бог, ваше преподобие. Я себе сейчас так славно промочила горло, а вот это уж вы выпейте, потому что я ведь вас знаю, вас постоянно мучит жажда, а ночь сегодня, господи спаси нас грешных, уж куда как суха. (Пытается подойти к нему.)

Сара удерживает ее сзади.

Священник (махает на нее руками). Не упади ты в огонь. Отойди, я тебе говорю.

Мери (убеждающим тоном). А вы не стесняйтесь, ваше преподобие. Разве все мы не грешники, прости господи. Выпейте-ка капельку, я вам говорю, а мы никому ни словечка об этом не скажем, до самого страшного суда. (Берет жестяную кружку, наливает в нее немного портера и протягивает ее священнику. Держа в руке кружку, пост.)

Бэллиган — пустынная дыра,  
На полпенса налудил вчера.  
Бэллидафф — пустынные пески,  
Завтра...

(Обрывает пение.) Это скверная, мерзкая песня, Сара Кейси. Уложи-ка ты меня теперь лучше в канаву, и я не буду ее больше петь, пока он не уйдет отсюда. Потому, я думаю, он уж без того дрянь, незачем нам его еще портить.

Сара (укладывая ее в канаву, говорит священнику, еле удерживаясь от смеха). Не обращайтесь на нее внимания, ваше преподобие. Она всякий стыд теряет, как только маленько клюкнет. И если бы тут стоял сам наш святейший отец, папа римский, она бы и ему предложила выпить из ее кружки, и ему бы сказала то же самое, что и вам.

Мери (священнику). А вы выпейте, святой отец. Выпейте, я вам говорю. и не напускайте на себя такого фазона, будто вам это не нравится, когда у вас небось дома бутылок-то до самых небес набралось, и даже выше.

Священник (покоряется необходимости). Ну хорошо, за ваше здоровье, и да помилует нас всех господь. (Пьет.)

Мери. Вот это правильно, ваше преподобие, и да будет с вами милосердие божие. И разве это не удивительно, что вы вот с нами сидите и с нами выпиваете без всякой гордости, а мы самые бедные, самые несчастные, самые голодные людишки па свете.

Священник. Ну, если вы голодные, то я нахожу, что так вам и надо, раз вы хлещете водку, когда вам вздумается, и заваливаетесь храпеть, когда у вас ноги не идут. (С мрачным вздохом.) Что бы вы стали делать на моем месте, когда мне приходится с пересохшим горлом обедни служить, а затем бегать и на восток и на запад, как только позовет меня больной, и выслушивать всех этих мужиков, как они каются в грехах.

Мери (сочувственно). Да уж, конечно, можно расстроиться, слушая, как мужики каются в своих грехах, и притом еще в такое хорошее весеннее время.

Священник (упавшим голосом). Тяжелая это жизнь, я вам скажу, тяжелая жизнь, Мери Бёрн. А тут еще этот епископ утром приезжает, а он человек старый, готов за любой пустяк человека со свету сжить.

Мери (с искренним участием). Прямо душа болит слушать вас, ваше преподобие, как вы это говорите и вздыхаете. (Похлопывает его по коленке.) Ничего, а вы подбодритесь, хоть и тоскливо вам, поди, одному-то жить, а я вам буду песни петь до самого рассвета.

Священник (прерывает ее). Зачем мне ваши песни? Вам бы теперь не о песнях думать, а на коленях стоять и грехи свои перед смертью замаливать.

Мери. Если я, по-вашему, нуждаюсь в молитве, так вы сами и можете за меня помолиться, святой отец. Потому что наш брат молитв совсем не знает, а я много раз слышала, что вы для этого только и существуете. Прочтите-ка сейчас молитву, ваше преподобие, много я диковинных вещей слышала, шатаюсь по миру, но вот одной вещи ни-

когда не слыхала — как настоящий священник молитву читает.

Священник. Господи боже, помилуй нас!

Мери. Да я не вру, святой отец. Я часто слышала, как мужики чего-то шепчут, идя ко сну, но кто же на них обращает внимание? А мне думается, что это должно быть любопытное дело — послушать, как ученый человек, вроде вас, со святыми на небе по-латыни разговаривает.

Священник (скандализованный). Прекрати свою болтовню, Мери Бёрн, ты старая, закоренелая язычница, не хочу я вас больше видеть! (Встает.)

Мери (хватает его за полу). Стойте, не уходите, пока вы не прочтете молитвы, ваше преподобие. Оставайтесь, пока вы не скажете маленькой молитвы, прошу вас, и я вам дам свое благословение и последний глоточек пива из кружки.

Священник (вырывается от нее). Пусти меня, Мери Бёрн, я еще никогда не встречал такой страшной, нераскаянной грешницы, как ты, за все двадцать два года, что живу в этой местности.

Мери (невинно). Да неужто это правда?

Священник. Да, это правда, и да смилуется господь над твоей душой. (Отходит налево.)

Сара следует за ним.

Сара (шепотом). А в котором часу вы совершите то дело, о котором я вас просила, святой отец? Потому что, я надеюсь, вы все-таки сделаете это и не допустите, чтобы я превратилась в старую, несчастную язычницу, вроде нее.

Мери (пронзительно кричит). Иди сюда обратно, Сара Кейси, и не шушукайся с такими людьми, как он, не искушай ты господа бога.

Сара (священнику). Вы ее слышите, ваше преподобие. Разве это не правда, в самом деле, что она старая, скверная язычница, которая одна может весь мир испоганить.

Священник (Саре, уходя). Хорошо, завтра пораньше я приду в часовню, а вы приходите после, когда увидите, что я там, и принесите с собой золотой и кастрюлю. За это я вас повенчаю, хотя это будет совсем ничтожная плата. Но я это сделаю, так как у меня душа

будет беспокойна, если я дам тебе стать такой же старой нераскаянной грешницей.

Сара (*провожает его*). Да благословит вас всемогущий, святой отец, и да вознаградит он вас и возьмет с этого дня под свой святой покров.

Мери (*подталкивает локтем Майкла*). Видал ты это, Майкл Бёрн? Я тебе разве не говорила, что она немножко свихнулась с тех пор, что у нас новый месяц? Сначала вся эта тормошня со свадьбой, а теперь она то с одним, то с другим мужчиной шепчется о чем-то на краю дороги.

Майкл. Молчи ты уж лучше, а то она тебе голову свернет, как услышит.

Мери. Ну и поганый вечер выдался сегодня, хоть и воздух нынче такой легкий. Никогда бы я этого не сделала, даже когда была молодой бабой, не стала бы шептаться по секрету с таким человеком — ведь он самый что ни на есть пакостный старый греховодник, какого только когда-либо земля носила.

Сара быстро возвращается.

(*Кричит ей навстречу.*) О чем это ты там с ним шепталась?

Сара (*ликующая*). Лежи ты, пожалуйста, и оставь нас в покое. (*Начинает шептаться с Майклом.*)

Мери (*прочищая трубку соломинкой, поет*). Пошепталась с одним, пошепталась с другим... (*Раскашлявшись, прерывает пение.*) Я что-то сегодня не в голосе, Сара Кейси. (*Закуривает трубку.*) Но хоть ты и малость ветрена, а все же ты здоровая, красивая баба, можешь сделать честь всем лудильщикам, ты гордость всего Уиклоу, ты красавица из Бэллинакри. И не хочу я, чтобы ты сегодня валялась одна-одинешенька в темной канаве, когда весна пробуждается в каждом деревце. Садись-ка ты там, под этим большим кустом, а я тебе буду рассказывать самые лучшие сказки, какие только можно услышать здесь между Дандоком и Бэллинакри. Сказки, где только и будет разговоров, что о королевах, как они любовью занимаются. А ходят-то они весь день напролет в блестящих шелках, а ночью в белых сорочках спят.

Майкл (*встает с кастрюлей в руках*). Спи ты, пожалуйста, и не надоедай нам.

Мери (*лежа на боку, сонным голосом*). Не обращай

ты на него внимания, Сара Кейси. Я тебе расскажу такую сказочку, которую только в весеннее время и рассказывать молодым женщинам.

Сара (берет кастрюлю из рук Майкла и увязывает ее в мешок). Так она не поржавеет от ночной росы. Я положу ее в канаву, чтобы она была под рукой завтра утром. Ну, а теперь, раз все это уже сделано, Майкл Бёрн, я пойду с тобой, и мы попробуем пожить курочками Тима Флейерти. (Кладет кастрюлю в канаву.)

Мери (сонно). Это будет хорошая сказка о великих ирландских королевах, у которых были такие же белые плечи, как у Сары Кейси, и такие же дивные руки, которыми они и по роже съездить не стеснялись.

Сара (кивая головой налево). Идем же, Майкл, пока она засыпает.

Сара и Майкл идут налево, Мери видит, что они уходят, внезапно просыпается и начинает вылезать на четвереньках из канавы.

Мери (жалобно). Куда это вы идете? Возвращайтесь сюда обратно, не оставляйте меня одну в такую ясную ночь.

Сара. Да не буди ты людей своими разговорами, когда мы хотим стащить парочку кур у Тима Флейерти, пробравшись задами к колодцу. Они там у него на ясене спят.

Мери. И что же, вы хотите меня оставить совсем одну? Иди сюда обратно, Сара Кейси. Иди ко мне, я тебе говорю. Или если уж вам нужно уйти, то оставь мне тогда те твои два медяка, чтобы я могла сбегать за другой бутылкой пива и сразу заснуть.

Сара. Ты уже и так достаточно наела. Растянься-ка как следует и дрыхни, — это самое разумное, что сейчас может сделать такая старая грешная пьяница, как ты.

Уходит с Майклом.

Мери (медленно встает). Вот они и ушли. А меня ноги совсем не держат, то есть, кажется, ударь меня сейчас соломинкой — и я повалюсь. А в голове такой шум, точно вода по камням бежит и дождь хлещет. (Направляется к канаве, где лежит завязанная в мешке кастрюля, и

*вытаскивает мешок наружу.)* На что я годна сегодня, господи прости меня, грешную. И кому нужны все эти чудесные сказки, которые я знаю, когда никто не станет сейчас слушать старуху, разве какая-нибудь девушка, которая со страхом ждет, когда ее час пробьет, или маленькое дитя, что не может заснуть от голода в холодную ночь. *(Вынимает кастрюлю из мешковины и засовывает вместо нее три пустых бутылки и охапку сена и перевязывает все веревкой.)* Что же, может быть, они оба и правы, пускай себе погуляют, недолго им молодыми-то быть. Но если они пошли гулять, то им не удержать Мери Бёрн в эту ясную ночь при этой сухой луне, там наверху, еще от одной бутылочки портеру. *(Берет в руки кастрюлю, а сделанный ею сверток кладет обратно в канаву.)* Джемми Нийл — хороший парень, я знаю — он мне даст за эту кастрюлю чем промочить горло. А если завтра я, как ярмарка откроется, буду держаться по соседству с фараонами, она меня даже и не прибьет. А если прибьет, ну что ж — стукнет разок по башке и только, а тут сиди себе одна в эту светлую ночь и слушай, как собаки лают и летучие мыши пищат, и думай, как тебе мало осталось жить. *(Уходит, напевая.)* В ту ночь, когда Лэрри тянули. . .

З а н а в е с



## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же местность, что и в первом действии. Раннее утро. Сара моет лицо в старой лохани, затем заплетает косу. Майкл тоже приводит себя в порядок. Мери Берн спит, прислонившись к отвалу канавы.

Сара (*Майклу, в радостном возбуждении*). Пойди достань этот сверток, ты в нем найдешь красный платочек, повяжешь его себе вокруг шеи, а другой, зеленый, — это для меня.

Майкл (*достает платки*). Ты что же, еще на это деньги выбросила? Ну, скажу я, мы на этот раз только и делаем, что кидаем деньги на ветер, и ведь ни черта с этого не получим. (*Держит в руке платки.*) Эти, что ли?

Сара. Да, они, Майкл. (*Берет у него один платок.*) Ты вот этот платок наденешь себе на шею и завяжешь его под подбородком. И не забудь снять шляпу, когда ты войдешь в церковь, — я справлялась там, внизу, у Бидди Флинн, она уже за вторым замужем, она мне сказала, что так всегда делается.

Мери зевает и ворочается во сне.

Сара (*беспокойно*). Ну вот, теперь она просыпается на нашу голову, а я рассчитывала, что мы управимся с этим делом до того, как она о нем пронюхает.

Майкл. Теперь она начнет орать и над нами издеваться и говорить, что мы из себя дураков корчим.

Сара. А я ее пошлю спать, и уж так или иначе, а от нее отделаюсь. Было бы совсем скверно, если бы еще эта старая карга стала нам поперек дороги и возбудила бы против нас попа своими безбожными речами.

Мери (*просыпается и смотрит на них с любопытством, кротко*). Какая ты нарядная сегодня, Сара Кейси. И как это ты сегодня себя беспокоишь, моешь себе лицо. Я так привыкла к стуку молотка, что я бы его не услышала. Но мытье — это такая редкость, что я проснулась, а мне так сладко спалось на солнышке. (*Осторожно оглядывается на сверток, в который она сунула бутылки.*)

Сара (*с льстивой ласковостью*). Ложись опять и попробуй уснуть, Мери Бёрн, мы еще на ярмарку не так скоро пойдем.

Мери (*подозрительно*). Чего это ты так сладко запыла, Сара Кейси? Но хоть сон и великое дело, а хорошо также и проснуться в такой день, как сегодня, когда солнышко так ласково греет, и ветерочком тебя обдувает, и кукушка кукует там на горах.

Сара. Ну, раз ты такая веселая, то можешь спуститься посмотреть, не посчастливится ли тебе выклянчить несколько пенсов у богатых людей, которые рано выезжают на ярмарку.

Мери. Когда богатые люди рано выезжают, то они обычно в плохом настроении, бог их прости, так что от них ничего, кроме руготни и проклятий, не добьешься.

Сара (*потеряв терпение, возмущенно*). Ну, если не желаешь ни спать, ни идти просить милостыню, то убирайся сейчас же отсюда, где ты совсем не нужна, и чтобы духу твоего не было до самого вечера.

Мери (*несколько тревожно, обращаясь к Майклу*). Господи помилуй нас грешных, Майкл, — вот уж опять она, как встала, с раннего утра начинает собачиться. До чего же она нестерпима с тех пор, как у нас новый месяц! (*Медленно поднимается.*) Я, пожалуй, лучше пойду попробую продать эту большую кастрюлю. (*Идет, чтобы взять сверток.*)

Сара (*кричит в раздражении*). Оставьте это, Мери Бёрн. Разве ты женщина? Ты чудовище, — подумай только, что тебя уже мучит жажда и в тебе столько подлости, что ты сейчас потащишь пропивать эту кастрюлю, а еще и роса не обсохла на траве.

Мери (*фальшиво-миролюбивым тоном, все еще держа сверток в руке*). И совсем не жажда, а изжога меня мучит сегодня, Сара Кейси, и я хочу пойти спуститься к священ-

ному колодцу и освежить водой свои внутренности. А кастрюлю я продам дочери пастора, там внизу, это совсем святая душа, она готова целую пригоршню шиллингов отдать за всякое пустое вранье, что ей наплетешь.

Сара. Положи назад кастрюлю, Мери Бёрн, я чутьем знаю, что у тебя опять в горле пересохло.

Мери. Да ведь даже ни одного кабака нет от этого места и до самой ярмарки, Сара Кейси. Ты меня найдешь там внизу со всеми деньгами, что я выручу, ни одного грошика я не истрачу. *(Поворачивается, чтобы уйти налево.)*

Сара *(вскакивает на ноги и, подобрав молоток, угрожающе взмахивает им)*. Положи назад кастрюлю, я тебе говорю.

Мери *(смотрит на нее несколько мгновений с ужасом, затем быстро кладет обратно сверток в канаву)*. Ты что, совсем сбесилась, Сара Кейси? И это ты, такая красивая женщина, пойдешь на смертоубийство?

Сара *(подходит к ней и толкает ее влево)*. Я тебе покажу, как я сбесилась. Выкатывайся отсюда, я тебе сказала, и смотри ты — берегись у меня.

Мери *(оборачивается и наступает на нее)*. Ну, если я пойду, так я всем расскажу, и старому и малому, что ты окаянная колдунья, Сара Кейси, язычница, которая кочан капусты, что сперла с поповского огорода, кладет вариться в один котел со своим бельем.

Священник внезапно появляется сзади нее, выйдя слева, и начинает прислушиваться к разговору.

Такая, что от одной твоей тени, когда ты в церкви порог переступила, потухли все свечи, зажженные на божьем алтаре.

Сара бросается на нее, но, не рассчитав своего натиска, едва не попадает в объятия священника. Когда она его узнает, она закрывает себе рот шейным платком и отходит к канаве, давась от смеха.

Священник *(подходит к Саре, несколько испуганный всем только что слышанным)*. Ну разве с вами не опасно иметь дело! Все, что вы мне вчера говорили, был, верно, сплошной обман, и вы во мне совершенно не нуждаетесь.

Сара *(в голосе ее все еще слышится раздражение)*. Ах так, обман? Вы, значит, уже хотите отказаться от

своего обещания, которое вы же сами дали, и бог тому свидетель.

*Священник (в нерешительности).* Я полагаю, что ты даже никогда и не была крещена, Сара Кейси, и странная это была бы задача — такую, как ты, приобщать к христианскому таинству. *(Убедительным тоном, роясь у себя в кармане.)* Так что, может быть, будет лучше, если я вам дам шиллинг, чтобы вы выпили за мое здоровье, а вы идите своей дорогой и оставьте меня в покое.

*Сара.* Ах так, вот как вы рассуждаете? Ну, если вы не сдержите своего слова, я пойду к самому епископу, к тому, у которого золотая митра на голове, и перед всем честным народом буду ему на вас жаловаться.

*Священник.* Как, ты это сделаешь?

*Сара.* Уж будьте уверены, святой отец, и даже если бы мне для этого пришлось шагать босиком отсюда до самого Дублина и раскровянить себе все ноги.

*Священник (в смущении чешет себе затылок).* Я бы хотел, чтоб уж мы с этим покончили, Сара Кейси, потому что, пожалуй, — это слишком рискованная штука связываться с таким народом, как вы.

*Сара.* Ну, так я вам советую поторопиться, и вы в два счета с нами покончите.

*Священник (сдается).* Ну хорошо, может быть, ты и права. Я пойду в часовню, а вы приходите, когда я покажусь на пороге. *(Уходит в часовню.)*

*Сара (кричит ему вслед).* Непременно, святой отец, и да сохранит вас господь.

*Мери (подходит ближе; она удивлена и потрясена, но говорит без всякой злобы).* Вы пойдете в часовню! Вы, может, опять вздумали дурака валять и венчаться?

*Сара поворачивается к ней спиной.*

Вот зачем ты мыла себе лицо и почему ты погнала меня вчера вечером за пивом; ты рассчитывала, что я полкружки высосу по дороге! *(Обходит ее кругом и заглядывает ей в лицо.)* Это все та же дурацкая затея со свадьбой?

*Сара (ликует).* Вот именно, Мери Бёрн. Я теперь скоро буду повенчана, и никто уже отныне не посмеет обзывать меня всякими грязными словами, и я смогу торговать

жестяной посудой, где угодно: в Уиклоу, и в Уэксфорде, и даже в самом Дублине.

Мери (оборачивается к Майклу). И ты на самом деле будешь с ней венчаться, Майкл Бёрн?

Майкл (мрачно). На самом деле, прости господи.

Мери (смотрит одно мгновение неподвижно на Сару и вдруг раздражается насмешливым хохотом). Ну, я вижу, это девка крутая, упорная, ее с места не сдвинешь. Но я никогда до этого дня не подозревала, что сын у меня такой дурак набитый. Мне говорили, что даже осла — и того воспитать можно, собаку можно научить таскать чужую дичь, лошадь — ветер обгонять, а вот, оказывается, родного сына научить уму-разуму, прости господи мое согрешение, выходит дело-то безнадежное.

Майкл (мрачно). Если я на ней не женюсь, то она, того и гляди, удерет к Джиму Двуколке, как только стемнеет. А ты сама знаешь, что лучше ее нет, чтобы выманить деньги у мужчин, задурив им мозги всякими песнями.

Мери. А ты полагаешь, что, отдав золотой его преподобию, ты сможешь удержать женщину, когда она решила от тебя уйти?

Сара (злобно). Не расстраивай ты нас своей болтовней, когда у меня такое же законное право на настоящую порядочную свадьбу, как и у всякой другой женщины, хотя бы у тех баб, что живут вон там, наверху, в этих грязных логовах, и у которых вся рожа в пятнах, так что их даже лошади пугаются.

Мери (примирительно). Право-то ты, конечно, имеешь, но на кой прах оно тебе нужно? Разве оттого что ты наденешь обручальное кольцо на палец, ты старухой не станешь, и красоту свою сохранишь, и рожать тебе будет легче? Самые что ни на есть знатные леди, которые венчаются в шелковых платьях и с золотыми кольцами, разве они не так же мучатся в родах, как и простые женщины, и не платят в это время бешеных денег докторам из Дублина, — столько, что за это можно хорошего осла с тележкой купить? (Садится.)

Сара (смущенно). Ты это правду говоришь?

Мери (довольная произведенным впечатлением). Да разве можно сомневаться, что это правда? Ты еще

слишком мало живешь на свете, Сара Кейси. Что ты вообще знаешь? Вроде как ничего.

Сара (*говорит страстно, но несколько неуверенно*). А что ты сама можешь знать о знатных леди, когда они таких, как ты, и близко к себе не подпустят?

Мери. Когда ты выпьешь стаканчик-два в одном городе и пропустишь стаканчик в другом городе, то очень быстро станешь образованной и станешь разбираться в жизни. Ты там встретишь разных мужиков и баб, сидящих в темноте на пустых бочках, и такого они тебе на-скажут, что и не у такой, как ты, Сара Кейси, голова вспухнет.

Майкл (*Саре*). Она правду говорит, и, может быть, если у тебя есть еще какой-нибудь смысл в голове, ты бросишь все эти твои глупости и не станешь тратить попустому наше золото.

Сара (*решительно*). Умна я или глупа, а сговорилась я выгодно, и от своего не отступлюсь.

Мери. Сколько он с вас за это берет?

Майкл. Золотой в десять шиллингов и кастрюлю в придачу, которая вон там завязана в мешке.

Мери (*смотрит на сверток со смешанным чувством удивления и страха*). Золотой и кастрюлю, ты говоришь?

Майкл. Да, полсоверена и большую кастрюлю.

Мери (*быстро вскакивает на ноги*). Ну, на ярмарку я лучше выйду загодя, а то вы меня загоняете, как начнете бежать по холмам! (*Делает несколько шагов влево, но затем оборачивается и говорит Саре умильным тоном.*) Ты не вынимай кастрюли из мешка, Сара Кейси, потому что если кто-нибудь пройдет мимо и вас увидит, то все вас засмеют, на вас пальцами станут указывать. Ты лучше оставь ее спокойно лежать в мешке. Право, послушай меня, Сара, моя милая, так будет лучше, уверяю тебя. (*Направляется налево, но опять останавливается и озирается в смущении.*)

Майкл (*вполголоса*). Что это ее так разобрало?

Сара (*с некоторой тревогой*). Когда она вот так умильно разговаривает, уж это значит, что она какую-нибудь подлость замыслила.

Мери (*в сторону*). Я, пожалуй, целее буду в часовне,

а то если она меня на дороге поймает, то забьет до смерти.  
(Переходит, ковыляя, направо.)

Сара. Куда это ты направляешься? Мы не этой дорогой пойдем на ярмарку.

Мери. Я пойду сейчас в часовню, чтобы вас благословить и послушать, как священник станет там свои молитвы читать. Ведь эта дорога, что спускается к Грайанану, такая пустынная, что ни одна женщина не может быть уверена, что с ней чего-нибудь не приключится, если она, совсем одна, пойдет по таким гиблым местам. (Подходит к ограде часовни.)

В это время священник в стихаре выходит на паперть.

Священник (кричит). Ну, что же вы? Что, я из-за вас целый день буду здесь молитвы читать, когда у меня еще маковой росинки во рту не было и завтрак мой пропадет? А тут еще сегодня, того и гляди, сам лорд-епископ\* нагрянет.

Сара. Мы идем, идем, святой отец.

Священник. Дайте-ка мне сначала ваш золотой.

Сара. Вот он, святой отец. (Передает ему золотой.)

Майкл вынимает мешок из канавы и, держа его в руках, становится несколько позади Сары. Он ощупывает мешок руками и вдруг бросает выразительный взгляд на Мери.

Священник (рассматривает золотой). Мне кажется, он настоящий — откуда бы вы его ни добыли. А где же кастрюля?

Сара (берет сверток у Майкла). Вот в этом куске чистой мешковины, ваше преподобие. Мы завернули ее в мешок, чтобы она не заржавела от ночной росы, и, пожалуйста, не развязывайте ее сейчас, а то люди увидят и будут над нами издеваться и разнесут сплетни о нас по всему свету.

Священник (берет у нее пакет). Дай-ка мне его сюда, в руки, Сара Кейси. Посмотрим, какую это лудильщику удалось сделать кастрюлю. (Начинает развязывать мешок.)

Сара. Это прекрасная кастрюля, ваше преподобие. Хотя мы люди бедные и маленькие, а все же мы хорошую

посуду умеем делать, а сам он у меня, с божьей помощью, большой мастер своего дела.

Священник развязывает мешок, из него вываливаются три пустые бутылки.

С нами крестная сила!

Священник. Выдали вы что-нибудь подобное? Подумать только, что вы меня обжуливаете и врите при этом с три короба, а я собираюсь вас венчать за такую цену, за которую и ребенка-то повенчать стыдно.

Сара (огорченная и удивленная). Это дьявольское наваждение, ваше преподобие, клянусь вам! (Поднимает руки.) Да разрази меня бог на этом месте, если это не сам дьявол стянул кастрюлю из мешка.

Священник (в неистовстве). Уходи отсюда и не клянись ложно! Уходи сейчас же и не думай, пожалуйста, что я такой дурак, что поверю твоим рассказням, когда ты ее сама вчера вечером продала или выменяла, чтобы пропить.

Мери (миролюбиво, кладя свою руку на плечо священника). Она никогда бы этого не сделала, ваше преподобие, ее даже никогда и жажда-то не мучит. А уж она так хотела этой свадьбы, что вы, право, можете ей поверить и забыть совсем об этой несчастной кастрюле. Ну зачем вам нужна пустая кастрюля, такому блестящему, богатому, солидному мужчине?

Сара (умоляюще). Обвенчайте нас, ваше преподобие, за золотой в десять шиллингов, и мы вам вечером другую кастрюлю сделаем — такую кастрюлю, что в ней можно будет хоть святую воду держать. Обвенчайте нас сейчас, и я обещаю вам, что я за вас буду молиться каждый день, и утром и вечером, и даже в плохую погоду, когда дождь будет лить и мне придется прямо коленями в черную грязь становиться.

Священник (громко). Все вы мошенники, воры, лгуны, обманщики, вся ваша порода такая. Убирайтесь отсюда и забирайте с собой из этой канавы все ваши вонючие тряпки!

Мери (закутывает себе голову платком). Обвенчайте вы ее, ваше преподобие, ради самого создателя, — ведь бог знает, что произойдет, если вы ее прогоните и она начнет у нас беситься на большой дороге.



Сара (злобно). Сущую правду она говорит. Сдается мне, не иначе как она сама сменяла кастрюлю на пинту пива вчера, когда она себе места не находила от жажды, а мы пошли прогуляться по холмам.

Мери (вскрикивает от возмущения). Как тебе не стыдно, Сара Кейси, так врать, да еще перед святым человеком!

Сара (к Мери, постепенно приходя в ярость). Ты что это, надо мной потешаться вздумала и теперь перед всем честным народом из меня дуру строишь? Но как это ты ни умно придумала — удрать потихоньку или спрятаться в часовню, а я тебя поймала на этот раз, и ты от меня теперь так легко не отделаешься. (Схватывает одну из бутылок.)

Мери (прячется за спину священника). Остановите ее, ваше преподобие, остановите ее ради самого создателя. Что бы сказал лорд-епископ, если бы увидел, как я тут лежу с проломленным черепом, а вы двое роете мне кровавую могилу у самых церковных врат?

Священник (отстраняет жестом Сару). Остановись сейчас же, Сара Кейси. Ты что же, хочешь совершить убийство у меня на глазах? Отойдите от меня немедленно, я вам говорю. Что я был за дурак, что связался с вами, когда ничего, кроме хлопот и беспокойства, я не получил за всю свою сердечную доброту!

Сара (кричит). Я сама сколько раз здоровых парней била, а вы думаете, что я попа испугаюсь? Прочь с дороги, вы, или я вас самого еще искалечу.

Священник. Ничего подобного ты не сделаешь, Сара Кейси. Я не боюсь таких, как ты. Ступай отсюда, я тебе повторяю, не впутывайся в дела, которые тебя не касаются, не грозись ты убийством и не бесчинствуй на церковной паперти.

Сара. Я шага не отступлю до тех пор, пока я ей башку не проломлю или пока вы меня с ним не повенчаете. Если вы хотите от нас отделаться, то обвенчайте нас поскорее, ведь золотой в десять шиллингов — это хорошая цена за таких, как мы, а вы и так чуть что не с жиру лопаетесь.

Священник. Не хочу я, чтобы вы ко мне в церковь входили и ее своим присутствием оскверняли. Я уверен, таких, как вы, никакая сила от ада не спасет. (Кидает

золотой ей под ноги.) На, бери свои деньги и убирайся с моих глаз долой. И если я вас еще раз встречу, то знайте, я расскажу полицейским о том, кто украл черного осла у Филли О'Каллина и чье сено жрет теперь серый осел.

Сара. Что, вы это сделаете?

Священник. Непременно сделаю.

Сара. Ну, так если вы это сделаете, то я созову всех лудильщиков из Уиклоу и из Уэксфорда и из графства Мийт, и мы так вам все ваши окна залудим, что вам и взглянуть-то в окошко нельзя будет, а не то что перемигиваться с девками. И не легко вам тогда придется, я вам это говорю, нечем вам тогда будет набить себе брюхо во время великого поста: ни одной наседки мы у вас на дворе не оставим.\*

Священник (окончательно выходит из себя). Выметайтесь отсюда сейчас же, иначе я пошлю лордам-судьям подробный отчет о ваших преступлениях, напишу обо всех поджогах, кражах, грабежах, о всех насилиях, которые вы совершили вплоть до сегодняшнего дня. И я вам советую бежать быстрее, потому что вас давно ждет тюрьма в Килмейнаме, а может, и веревка по вас плачет.

Майкл (снимая свою куртку). Что это нам от вас бежать, святой отец? Уходите-ка вы сами восвояси, по добру да поздорову, а то я вас так отстегаю этими ослиными вожжами, что отсюда до самого моря в Клэре будет слышно, как вы ревете.

Священник. Ты хочешь поднять на меня руку! Разве ты не знаешь, что всемогущий бог иссушит все твои члены, если ты только до меня дотронешься! Убирайся вон отсюда. (Толкает его.)

Майкл. А, так — иссушит? Ну, так нате же вам, ваше преподобие, и пусть вам бог поможет! (Накидывается на него с вожжами.)

Священник (убегает к канаве с громким криком). А вон идут полицейские, слава богу. Эй вы там, сюда!

Мери (зажимает ему рот рукой). Вали его здесь на дороге, — они его не слышали.

Майкл валит священника на эсмяю.

Сара. Заткни ему глотку.

Мери. Сунь ему этот мешок в зубы.

Они делают кляп из мешка, в котором находилась кастрюля, и засовывают его священнику в рот.

Сара. Надень ему мешок на голову, и если придет полиция, мы его сунем башкой вперед в болото, вон там за канавой.

Они натягивают ему на голову мешок и завязывают его.

Майкл (к Мери). Держи его крепче и смотри, чтобы он не вырвался из мешка, а то он еще орать будет. (Направляется к их лагерю.) Поторопись с вещами, Сара Кейси. Фараоны идут другой дорогой, и, может, мы сумеем от них уйти.

В бешеной спешке они завязывают вещи в узлы, в то время как священник пытается снять мешок и извивается на земле, а старуха Мери его удерживает.

Мери (гладит его по голове). Лежи спокойно, ваше преподобие. Чего это с тобой, чего это ты так извиваешься-то? Может, задохнулся? (Просовывает руку в мешок и нащупывает его рот, затем похлопывает его по плечу.) Это ты только так, представляешься, отче святой, из носу-то у тебя такой свист идет, взад и вперед, словно восточный ветер в апреле дует. (Успокаивающим тоном.) Ну ты, святой отче, лежи смирно. Послушай, что я тебе скажу, и поучись уму-разуму и терпению, чтобы уже так легко в следующий раз не грабить у бедняков их последний золотой.

Священник затихает.

Ну вот, ты теперь пай-мальчик, ваше преподобие, и не изволь беспокоиться, мы тебе зла не сделаем. Мы сами не рады, и очень это нам неприятно, что тебя помучить приходится, но что поделаешь? Связался с такими, как мы, а мы весь свой век идем своими путями — и отец, и сын, и внук, и мать, и дочь, и опять же их дочь. Нам никогда не было нужды ходить в церковь и богом клясться, — мне говорили, что без этого там нельзя, — а кто бы поверил, что в церкви божиться приходится или надевать себе на палец кольца, из-за которых, может быть, себе только кожу обдерешь, когда будешь тянуть осла из оглоблей или затягивать ему

подпругу, в особенности еще во время дождя, когда ремни скользкие.

М а й к л (кончив увязывать узлы, подходит вместе с Сарой). Ну, мы готовы. А теперь мне хочется его кинуть в болото, чтобы он не пошел доносить полиции о наших делах.

С а р а. И ты имеешь полное право это сделать, я так считаю.

М е р и (примирительно). Не будь с ним грубой, Сара Кейси, после того как он вместе с нами вчера вечером пиво пил. Может быть, он поклянется самой страшной клятвой, что он нам вредить не будет, и тогда умнее будет его отпустить. Потому что, если его утопить, они еще, может, потом всех нас скопом повесят — и старого, и малого, и осла в придачу.

М а й к л. Очень он будет считаться с твоей клятвой!

М е р и. А ты разве не знаешь, что люди его породы всегда живут в страхе, боятся гнева божьего. (Наклоняется к тому месту мешка, где должны быть уши священника.) Дадите вы нам клятву, святой отче, что вы нас оставите в покое и не будете болтать?

Священник кивает головой в мешке.

Что я вам говорила? Посмотрите на этого беднягу, как он головой качает в своем мешке. Стащи с него мешок теперь, чтобы ему было легче.

М а й к л (как будто говоря с лошадью). Ну, ну, не балуй, отче святой.

Майкл стаскивает мешок с головы священника, волосы у него торчат во все стороны. Майкл и Мери вынимают кляп из его рта.

М е р и. Держи его, пока он не даст клятвы.

С в я щ е н н и к (слабым голосом). Да, да, я клянусь. Если вы меня отпустите с миром, я на вас не донесу и даже ничего никому не скажу. И да простит меня господь всемогущий, что я с вами связался.

С а р а (надевает ему обручальное кольцо на палец). Вот вам ваше кольцо, святой отец, чтобы оно вам до конца ваших дней напоминало о вашей клятве. Я такую обиду затаила в сердце на все ваши подлости, что много времени пройдет, прежде чем я опять заговорю о свадьбе или о чем-нибудь таком.

Мери (медленно встает с земли и говорит самодовольно). Она сейчас в раздражении, ваше преподобие, вы на нее не обращайтесь внимания. Хотя она, конечно, права, потому что мы никогда большой нужды в вашей породе не имели, чтобы раздобыть себе чего поесть и попить или полюбить кого, когда мы были молоды и собою недурны.

Майкл. Ну, теперь поспешим. Он настоящий молодец, что удержал нас от того, чтобы эти деньги так глупо растратить. А теперь мы этот золотой пропьем с радостью, в хорошей компании, на ярмарке.

Майкл и Мери собирают все свои вещи. Священник встает на ноги.

Священник (простирая руку вверх). Я поклялся не призывать людского правосудия на все ваши преступления. Но я не клялся, что не вызову небесного огня из рук вседержителя, чтобы поразить вас. (Начинает читать громким священническим голосом латинские проклятия.)

Мери. Ах он, старый негодяй!

Все (вместе). Бежим, бежим. Бегите, если вам жизнь дорога! (Убегают, оставляя священника хозяином положения.)

Занавес